

СОВЕТСКАЯ ТЕОРИЯ ФИНАНСОВ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ НАУКИ

ЗАХАРЧЕНКОВ С. П.

кандидат экономических наук

Харьков

Определения категории «финансы» в учебной литературе постсоветского пространства, как правило, представляют собой интерпретации дефиниций советских времен, трактовавших понятие «советские финансы». В узких рамках научной статьи мы не будем доказывать правомерность данного утверждения, поскольку В. М. Опарин достаточно наглядно показал это в своей монографии [1]. Таким образом, у нас есть основания полагать, что в специальной литературе постсоветского периода фактически произошло отождествление двух понятий: «советские финансы» и «финансы». Правомерно ли такое отождествление? На наш взгляд, оно может быть правомерным только в том случае, если, по крайней мере, одна из теоретических концепций советской поры охватывает всю предметную область финансов: общественные финансы, финансы домохозяйств, финансы предприятий. Однако в результате исследования специальной западной литературы нами был сделан предварительный вывод о том, что теория советских финансов является не более чем адаптированными к условиям социализма вариантом классической теории распределения общественных благ [2]. Как следствие, у нас возникло предположение о том, что такие понятия, как «социалистические финансы», «финансы СССР», «финансы социалистического государства», «советские финансы» и т. п., могут быть всего

лишь эквивалентом термина «общественные финансы» (*public finance*), принятым в мировой литературе.

Исходя из изложенного выше, представляется актуальным проведение исследования с целью выяснения того, в какой мере ведущие теоретические концепции советских финансов, получившие свое развитие в постсоветской учебной и научной литературе, согласуются с представлениями о финансах, принятыми в мировой науке.

Было бы наивным полагать, что советская теория финансов взялась из небытия и представляет собой нечто исключительно самобытное. Гораздо естественнее и логичнее допустить, что советские ученые взяли за основу общепринятые положения мировой финансовой науки, насчитывавшей к моменту образования СССР почти трехсотлетнюю историю, и попытались их адаптировать к условиям советской действительности. Как показали результаты нашего исследования, именно такой адаптивный подход и был использован советскими финансовыми теоретиками. Например, один из них, подчеркивая преемственность советской финансовой науки, цитировал по этому поводу В. Ленина: «...Здесь, как и во всем своем историческом творчестве, пролетариат берет свое оружие у капитализма, а не «выдумывает» и не «создает из ничего» [3].

В нашей предыдущей статье, где был проведен анализ нескольких десятков зарубежных литературных источников, изданных за последние 150 лет, достаточно подробно освещены представления о финансах, сложившиеся в мировой науке к моменту образования СССР [2]. Поэтому мы не будем детально описывать ситуацию, имевшую место в финансовой теории начала XX века. Лишь отразим тот факт, что в дореволюционной

России термин «финансы», как правило, означал науку, изучающую отношения, связанные с процессом формирования и использования ресурсов государства и местных общин. Это соответствовало тогда и продолжает соответствовать теперь англоязычному термину «общественные финансы» (*public finance*). Таким образом, финансовая наука, автоматически ставшая на территории СССР советской, получила в наследство «буржуазную» теорию распределения общественных благ, которой и придерживалась на начальном этапе своего развития¹. В 20-е годы XX века советские финансы рассматривались в общем контексте мировой науки, а определения финансов в первых учебниках советской поры, по сути, ничем не отличались от определений общественных финансов, распространенных в мировой литературе:

1. «Деятельность государства, направленная на приобретение, управление и расходование материальных благ и личных услуг, необходимых для удовлетворения государственных нужд и потребностей, составляет государственное или, как еще принято называть, финансовое хозяйство» [4];

2. «Финансовая наука общества переходного к социализму... должна изучать общественные отношения, возникающие на почве добывания этим обществом или его ответвлениями материальных средств, необходимых для существования его государственной организации» [5];

3. «Денежные и такие материальные средства государства или иного публично-правового союза, которые могут быть переведены на деньги, составляют его финансы» [6].

Определения А. Н. Менькова (1) и Д. П. Боголепова (2) отражают наиболее распространенную в мировой литературе точку зрения на общественные финансы. Определение Г. И. Болдырева (3) менее традиционно. Так, например, И. Янжул подразумевал под финансами «совокупность материальных средств, необходимых для удовлетворения потребностей государств» только в техническом значении слова [7]. А в англоязычной литературе под определение Г. И. Болдырева, как правило, подпадает не термин «финансы», а термин «фонды» (*funds*)² (см., например, 8, с. 11 – 13; 9, с. 507). Тем не менее, представление о финансах как о денежных средствах (ресурсах) фигурировало в работах таких известных советских ученых, как А. М. Александров и Д. А. Аллахвердян, вплоть до начала 50-х годов (см. 10, 11). А, например, В. П. Дьяченко, по крайней мере, до 1946 года придерживался «волюнтаристских» (так он позднее характеризовал свою точку зрения) взглядов, говоря о финансах, как о системе форм и методов использования средств общественных фондов³ [12, с. 123, 255].

Разумеется, такой «буржуазный» подход к трактовке советских финансов не мог удовлетворить партийных

идеологов, проповедовавших марксизм. В частности, в «Критике Готской программы» К. Маркс (в противовес теории распределения общественных благ посредством финансов и личных благ посредством обмена ($T - D, D - T$)) привел свою схему распределения благ в обществе, основанном на коллективизме, которая предусматривала в качестве меры стоимости не деньги, а рабочее время: «Индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя – это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда» [13]. Такая утопическая схема распределения благ по квитанциям не предполагала существование денег. Как следствие, «вступление СССР в период социализма многие экономисты рассматривали как начало перехода к прямому продуктообмену и отмиранию денег, кредита, финансов» [12, с. 404]. Исходя из этого, в первом издании учебника «Финансы СССР», вышедшем в 1933 году, «все изложение материалов исходило из того, что после победы социализма финансы будут «похоронены» как пережиток капитализма» [12, с. 403].

Однако реалии первых лет советской власти наглядно показали, что единственно возможной мерой стоимости могут быть только деньги, которыми, в итоге, измеряется и рабочее время. Коммунистическая идеология вынуждена была признать, что деньги останутся в СССР как инструмент буржуазной экономики, который, по словам И. Сталина, «взяла в свои руки Советская власть и приспособила к интересам социализма» [17, с. 25]. Поскольку отменить деньги простым постановлением партии не удалось, они (а не рабочее время) стали в СССР идеологически обоснованной мерой стоимости. Как следствие, сочетание слов «контроль рублём» (как мерой стоимости) прочно вошло в обиход советских партийных идеологов и функционеров. Разумеется, советские финансовые теоретики не могли оставить без внимания данный факт, и фраза «в целях контроля рублем» стала составной частью дефиниций советских финансов в первых учебниках по финансам СССР (см. 18, 19). А позднее и функцию денег как меры стоимости советские ученые ничтоже сумняшеся переименовали в контрольную функцию советских финансов, придав ей статус «специфической»⁴.

Далее. К концу второй пятилетки (1938 год) удельный вес общественной собственности в СССР составлял

¹ Классическое представление об общественных финансах, весьма распространенное в советской литературе вплоть до начала 50-х годов, иногда упоминается под названием «бюджетная концепция» [25, с. 9].

² По всей видимости, опираясь на зарубежный опыт, В. П. Дьяченко охарактеризовал подобным определением термин «финансовые ресурсы» (см. 17, с. 44).

³ При этом надо сказать, что В. П. Дьяченко (как, впрочем, и его последователи) в своих работах так и не пояснил, чем форма мобилизации (использования) ресурсов отличается от метода мобилизации (использования). Более того, похоже что для него этой разницы не существовало вовсе, поскольку, например, на стр. 441 [12] он называет кредит методом, а уже на 449-й [12] странице – формой. Позднее, в постсоветской литературе, как «система форм и методов» характеризовался термин «финансовый механизм» (см., например 14, с. 66; 15, с. 55; 16, с. 39).

98,7%, в личной собственности колхозников и мелких кустарей находилось лишь 1,3% всех производственных фондов страны⁵ [12, с. 133]. Таким образом, практически весь производственный сектор в СССР получил статус общественного, а государство от имени общества полностью взяло на себя распределение благ и в производственной сфере. Из государственного бюджета СССР покрывались не только расходы традиционно характерные для капиталистической модели экономики (по государственному управлению, национальной обороне, охране правопорядка etc.), но и основная доля затрат по расширенному воспроизводству: госбюджет СССР фактически стал централизованным инвестиционным фондом в руках государства, через который (в соответствии с решениями КПСС и Госплана СССР) производилось перераспределение денежных ресурсов между различными предприятиями и отраслями «народного хозяйства». В госбюжете аккумулировались огромные средства, которые инвестировались в мегапроекты под общим названием «стройки социализма». Разумеется, понятие «советские финансы» должно было отразить этот факт.

Начало новому подходу к трактовке советских финансов положила научная дискуссия на совещании, проведенном в 1944 году Управлением учебных заведений Министерства финансов СССР. Основными итогами дискуссии являлись: «1) рассмотрение советских финансов как системы денежных отношений, связанных с действием закона стоимости; 2) такое расширение предмета учения о советских финансах, которое *в той или иной мере* включает в себя денежные отношения *внутри* (курсив наш. – Авт.) государственного производственного сектора и взаимоотношения государства и его производственного сектора с колхозно-кооперативным производственным сектором и с населением» [17, с. 35].

Дискуссия оказала серьезное воздействие на весь дальнейший ход развития советской финансовой науки (как, впрочем, и постсоветской). Под её влиянием, на протяжении последующих двадцати пяти лет, в СССР сформировались три научные концепции советских финансов, которые, не смотря на все расхождения, были едины в одном – финансы рассматривались только как

денежные отношения, связанные с действием марксистского закона стоимости.

Доминирующей теоретической концепцией советских финансов была распределительная. Её автором является чл.-корр. АН СССР В.П. Дьяченко, а к современным последователям⁶, в частности, можно отнести В. М. Родионову, В. М. Федосова, С. И. Юрия [см.: 14, 22, 25]. В работе В.П. Дьяченко «Общее учение о советских финансах», вышедшей в 1946 году, уже чувствуется влияние результатов дискуссии 1944 года, когда автор утверждает, что советские финансы «относятся в основном к сфере денежных отношений» [12, с. 123]. Оговорка «в основном» не случайно присутствует в тексте, поскольку её автор был последовательным сторонником исторически сложившейся классической теории распределения общественных благ, лежащей в основе общественных финансов, и, разумеется, не мог полностью исключить натуральные отношения из сферы финансов, учитывая мнение своих именитых западных коллег⁷. В частности, в качестве источника государственных доходов он называл поставки Советскому Союзу вооружений, сырья и продовольствия союзниками антигитлеровской коалиции, а также послевоенные контрибуции от Германии и её союзников [12, с. 270, 271].

По вполне понятным причинам в доходах советского государства не значился и рабский труд миллионов репрессированных граждан СССР, а их конфискованное имущество не числилось среди источников формирования государственных фондов. Разумеется, умалчивалась и тотальная конфискация продовольствия у крестьян Украины и юга России, ставшая причиной их массовой гибели в 1932-1933гг. На наш взгляд, именно эти чудовищные факты советской истории стали причиной того, что советская финансовая наука в упор не замечала натуральные отношения в качестве источника формирования общественных фондов.

Относя финансы к сфере денежных отношений, В.П. Дьяченко, тем не менее, исключил из их состава оплату труда, отношения купли-продажи и кредит [12, С. 126]. Изъятие трех перечисленных форм денежных отношений из сферы финансов выглядит вполне логичным с точки зрения теории распределения общественных благ: оплата труда была исключена на том основании, что через зарплату удовлетворялась основная масса

⁴ В. П. Дьяченко комментировал появление контрольной функции советских финансов так: «В процессе развития учения о финансах социалистического государства были сформулированы две их основные функции – распределительная и контрольная. Первая рассматривалась как общая для государственных финансов и в досоциалистических формациях, и при социализме, но в досоциалистических формациях она сводилась к перераспределению денежных ресурсов, а при социализме распространяется и на отношения первичного распределения национального дохода; вторая (контрольная) была определена как специфическая функция советских финансов» [12, с. 451]. «Контрольная – своеобразная функция социалистических финансов» [20].

⁵ А в США, например, по данным переписи 1912 года частный сектор составлял 93% национального богатства против 3-5% богатства в распоряжении государственных и муниципальных органов власти [21, с. 5 – 6].

⁶ К числу ревностных сторонников распределительной концепции до недавнего времени относил себя и автор данной статьи.

⁷ Так, например, Х. Далтон и А. Пигу в своих работах указывали на то, что процесс формирования общественных фондов в некоторых случаях осуществляется в натуральной форме. В качестве примера такого рода отношений Х. Далтон приводит рабский труд цветного населения на дорожных и иных общественных работах в некоторых колониях, услуги мировых судей и избираемых членов местных властей; «трудовым налогом» являлись услуги присяжных заседателей; в Великобритании, с согласия властей, налог на наследство землевладельцев мог быть оплачен землей; в США аренда нефтеносных земель могла быть оплачена нефтью [23, с. 4 – 5]. Как об одном из методов формирования общественных фондов, А. Пигу писал о воинской повинности в мирное время [24, с. 1 – 2].

личных потребностей населения (работающих граждан и иждивенцев) [12, с. 139]; товарно-денежный обмен выведен из состава финансов исходя из того, что граждане СССР (точно так же, как и граждане стран с рыночной моделью экономики) путем обмена потребляли только индивидуальные блага. Как следствие, цена товара вместе с зарплатой были позиционированы в качестве самостоятельных распределительных категорий. А что касается исключения из сферы финансов кредита, то и здесь логику автора понять несложно. Дело в том, что предоставление денежных ресурсов во временное пользование не являлось по мнению В. П. Дьяченко распределением в подлинном смысле этого слова, поскольку в процессе распределения должно было происходить одностороннее движение общественных благ: сфера производства → государственный бюджет → сфера потребления. В случае же кредита имеет место двухстороннее движение: кредитные ресурсы поступают во временное пользование, а потом возвращаются через определенный договором период времени⁸.

В целом, исходя из публикаций В. П. Дьяченко, датированных 1946 годом, можно сказать, что их автор не смог сформулировать однозначного мнения о финансах. Советские финансы он определяет то как систему форм и методов использования средств общественных фондов, то как систему отношений, на основе которых обеспечивается образование и использование общественных фондов [12, с. 123 – 129, 255].

Еще более неоднозначной представляется нам публикация «К вопросу о сущности и функциях советских финансов» (1957 г.), в которой была сформулирована окончательная версия распределительной концепции финансов социалистического государства [17, с. 3 – 100]. В качестве базового принципа концепции можно считать следующее утверждение её автора: «Отказываться в применении к социалистическому обществу от исторически сложившегося понятия государственных финансов нет никаких оснований» [17, с. 53]. Под «исторически сложившимся» понималось представление о финансах, как о денежных отношениях, «во первых, распределительных, во-вторых, связанных с существованием и функционированием государства» [17, с. 52]. Принципиально важно заметить, что все отношения, охватываемые понятием «государственные (читай – общественные) финансы» В. П. Дьяченко считал **распределительными по сути**⁹. При этом он утверж-

⁸ Вообще, судя по публикациям В. П. Дьяченко, его позицию по поводу кредита иначе как «скользкой» назвать нельзя. С одной стороны – он исключил государственный (общественный) кредит из финансов социалистического государства по причине «двухстороннего движения стоимости». С другой – утверждает, что «учение о государственном кредите ... составляет особый, самостоятельный раздел учения о финансах» [12, с. 263].

⁹ Такое мнение представляется нам вполне правомерным, поскольку само существование общественных финансов, как определенной совокупности отношений, обусловлено необходимостью распределения общественных благ. Т.е. распределение общественных благ в данном случае является самоцелью,

дал, что «экономические отношения есть отношения людей по поводу вещей, но отсюда вовсе не следует, что их сущность заключается в *отношении людей к вещам* (курсив наш. – Авт.)» [17, с. 32].

Таким образом, исходя из приведенных выше цитат, перед автором распределительной концепции стояла серьезная дилемма. С одной стороны, денежные отношения по дроблению валового дохода¹⁰ внутри предприятий, нельзя было назвать распределительными по сути, поскольку валовой доход в данном случае не переходил от одного субъекта к другому (т. е. не было отношений между людьми), а всего лишь изменял свой статус посредством его дробления на части с последующим переименованием этих частей в различные фонды предприятия: заработной платы, социально-культурных мероприятий, плановую прибыль (убыток) и т. д. (подробнее см. 17, с. 141 – 143). Т.е. в данном случае имело место не что иное, как изменение **отношения людей к вещам**. С другой стороны – все производственные предприятия в СССР стали общественной собственностью и управлялись государством. Как следствие, о денежных отношениях внутри производственной сферы правомерно было говорить, как о «связанных с существованием и функционированием государства».

Дабы разрешить образовавшуюся дилемму и хотя бы внешне соблюсти исторически сложившийся подход к пониманию общественных финансов, как **отношений распределительных по сути**, В. П. Дьяченко избрал путь скрытого терминологического соглашения, смысл которого заключается в следующем: распределением было названо не только перемещение стоимости в форме денег между разными экономическими субъектами (отношения людей по поводу вещей), но и дробление валового дохода в рамках одного экономического субъекта (процесс изменения отношения людей к вещам). Таким образом, в финансы советского государства вошли именно те отношения, которые сам же автор распределительной концепции не только не считал распределительными по сути, но и вообще не относил к предмету финансов¹¹. В контексте теории распределения общественных благ дробление валового дохода можно было назвать распределением лишь в переносном смысле (**формально**). Дабы сnivelировать такое вопиющее семантико-логическое несоответствие, процесс дробле-

которая в итоге и определяет сущность всех экономических отношений (отношений людей по поводу вещей), охватываемых понятием «общественные финансы».

¹⁰ Валовой доход предприятия (или «доход социалистического общества», в котором сосредоточена вся масса общественно-го труда [12, с. 135]), определялся как разница между валовой выручкой от реализации готовой продукции и материальными затратами на производство реализованной продукции (возмещение потребленных орудий и средств производства) [12, с. 148 – 150; 17, с. 142].

¹¹ В. П. Дьяченко утверждал, что предметом учения о финансах является **«не отношение людей к вещам, а общественные отношения, т.е. отношения между людьми** (выделено нами. – Авт.)» [17, с. 44].

ния валового дохода был назван «первичным распределением» [17, с. 57]. По этому поводу А. М. Александров, который наверняка был знаком с теорией распределения общественных благ и, как следствие, трактовал термин «распределение» в его сущностном (а не в формальном) аспекте, в одной из своих работ вполне справедливо заметил: «Отношения распределения всегда предполагают наличие не менее двух обособленных субъектов. Как вообще может осуществлять предприятие распределение по отношению к самому себе?» [26, с. 45]. Тем не менее, сторонники В. П. Дьяченко окончательно абстрагировали термин «распределение» от контекста теории распределения общественных благ. Как следствие, его подлинное смысловое содержание до такой степени размылось, что не только практически свело на нет различия между общественными финансами и финансами частного сектора, но и позволяет без труда подогнать под понятие «финансы» даже процесс раскладывания денег по карманам. На наш взгляд, именно это обстоятельство и объясняет популярность распределительной концепции на постсоветском пространстве.

Важно отметить, что в теории советских финансов произошла подмена не только смыслового содержания термина «распределение», но и термина «перераспределение». Напомним, что в рамках теории распределения общественных благ под этим термином подразумевается перераспределение благ между высокодоходными и малообеспеченными слоями населения, благодаря чему реализуется принцип социальной справедливости и гуманизма в обществе [подробнее см.: 27, с. 24 – 27; 28, с. 25]. Разумеется, согласно официальной идеологии в СССР не было бедных и богатых. Поэтому о перераспределении благ в подлинном смысле слова не могло быть и речи. Вполне возможно, что именно это обстоятельство породило «полное отрицание некоторыми экономистами-финансистами перераспределительных отношений при социализме» [17, с. 29]. Как следствие, под перераспределением стали понимать распределение того, что поступило в госбюджет после т. н. «первичного распределения» внутри производственных предприятий. В частности, благодаря подобного рода «перераспределению» в СССР могли существовать планомерно убыточные предприятия и даже целые отрасли, убытки которых покрывались через госбюджет за счет прибыли других предприятий и отраслей.

Исходя из вышеизложенного, нетрудно понять, что распределительная концепция финансов СССР представляет собой модификацию классической теории распределения общественных благ, приспособленную к условиям советской модели экономики путем скрытого терминологического соглашения. Как следствие, трактовка финансов советского государства как системы «денежных отношений, на основе которых через плановое распределение доходов и накоплений обеспечивается образование и использование централизованных и децентрализованных фондов»¹², отражает сущность только общественных финансов, но с определенной долей условности: следует непременно делать оговорку на то, что именно подразумевается под термином «распре-

деление». И уж тем более такая трактовка не охватывает предмет финансов целиком, поскольку даже сам автор распределительной концепции не ограничивал предметную область науки о финансах только процессом распределения¹³. А для того, чтобы хоть как-то подчеркнуть разницу между распределением общественных благ при социализме и при капитализме, финансы советских предприятий были разделены, что называется, «по живому», на две составные части: производственную и распределительную. Так называемое «первичное распределение» (валового дохода внутри предприятия) вошло в состав финансов социалистического государства. А что касается «производственной» части, то она была выделена в самостоятельную категорию «финансы отраслей народного хозяйства СССР», представляющую собой денежную сторону отношений, складывающихся на предприятиях в процессе движения стоимости в производственной форме (основных фондов, комплектующих, сырья, готовой продукции). В том же научном сборнике, что и анализируемая нами работа В. П. Дьяченко, была опубликована статья А. М. Бирмана «Сущность и функции отраслевых финансов»¹⁴, в которой давалось определение этой самой «производственной» части: «Совокупность денежных отношений, объективно существующих в отраслях народного хозяйства, возникающих в процессе производства и реализации продукции и опосредствующих этот процесс, составляет финансы отраслей народного хозяйства СССР» [17, с. 109].

Надо сказать, что определение А. М. Бирмана абсолютно характерно для советской финансовой школы, поскольку финансы предприятия в нем тоже рассматривались как совокупность денежных отношений. Принципиальным отличием между финансами социалистического государства и финансами социалистических предприятий в данном случае было то, что государственные финансы (как денежные отношения) опосредствовали движение стоимости в денежной форме, а финансы государственных предприятий (тоже как денежные отношения) опосредствовали процесс движения стоимости в вещественной форме.

¹² Полностью определение финансов В. П. Дьяченко сформулировал так: «финансы социалистического государства есть система денежных отношений, на основе которых через плановое распределение доходов и накоплений обеспечивается образование и использование централизованных и децентрализованных фондов денежных ресурсов государства в соответствии с его функциями и задачами» [17, с. 68 – 69].

¹³ Очерчивая границы учения о финансах, В. П. Дьяченко отмечал, что «его предметом являются ... общественные отношения ... складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления общественного продукта» [17, с. 44]. Таким образом, автор распределительной концепции, в отличие от своих современных последователей, никогда не отождествлял финансы социалистического государства с финансами в целом.

¹⁴ На наш взгляд, эта статья была опубликована в одном сборнике с работой В. П. Дьяченко не случайно (тем более, что В. П. Дьяченко неоднократно ссылался в своей работе на статью А. М. Бирмана). Такой тандем как бы подчеркивал границу между финансами социалистического государства (согласно распределительной концепции) и финансами предприятий.

С учетом проведенного нами исследования зарубежной литературы [2], следует отметить, что принципиальная разница советской и западной научных школ в подходе к трактовке финансов предприятия, на наш взгляд, заключается в следующем. Трактую финансы предприятия как денежные отношения, советская финансовая школа тем самым сосредоточила свое внимание на внешней стороне динамического процесса, происходящего на предприятии, – отношениях. При этом не обозначалась цель, ради которой эти отношения существовали. Таким образом, денежные отношения внутри предприятия, рассматриваемые в отрыве от цели, как бы «повисали», возникая из «ниоткуда» и уходя в «никуда», тем самым дезавуируя противоестественность существования планомерно убыточных предприятий и отраслей народного хозяйства СССР. В то же время, западные ученые-финансисты, при всем многообразии подходов к формулировкам дефиниций, как правило, подчеркивают конечную финансовую цель любого коммерческого предприятия, состоящую в **максимизации прибыли** (см., например, 29, с. 5; 30, с. 11; 31, с. 4; 32, с. 4 – 5; 33, с. 3 – 4). Отображение конечной цели в дефинициях финансов, по нашему мнению, является принципиальным моментом, поскольку не только финансы, но и любой другой аспект человеческой деятельности обязательно имеет свою цель, которая, в итоге, и определяет сущность тех отношений, что имеют место в процессе её достижения.

Разумеется, из вышеизложенного вовсе не следует, что деятельность советских предприятий с точки зрения финансов была бесцельной. Просто, в силу существования в СССР планомерно прибыльных и планомерно убыточных предприятий, максимизация прибыли не могла рассматриваться в качестве универсальной финансовой цели всей советской производственной сферы. Единая конечная цель существовала только у социалистического общества в целом. «Наша цель – коммунизм», – провозглашала советская идеология. Но коммунизм, как уже отмечалось выше, не предполагал существования финансов как таковых, а посему, если в качестве конечной цели финансовых отношений советского предприятия поставить коммунизм (т.е., фактическое уничтожение финансов), то это выглядело бы довольно нелепо. Вполне возможно, что именно поэтому советская финансовая теория сосредоточила все свое внимание не на финансовой цели предприятия (прибыли), а на средстве её достижения – отношениях (т.е. внешних проявлениях финансов).

Далее мы кратко рассмотрим две менее распространенные точки зрения на советские финансы (т. н. ленинградская школа):

1) воспроизводственная концепция советских финансов, автором которой считается А. М. Александров. К её современным последователям можно отнести Д. С. Молякова и В. М. Опарина (см. 34; 15, с. 5);

2) точка зрения Э. А. Вознесенского, иногда называемая правовой концепцией советских финансов. В частности, её современными последователями являются М. В. Романовский и В. В. Иванов [см.: 35, 36].

Что касается воспроизводственной концепции, то с учетом всего изложенного выше, её можно охарактеризовать довольно кратко: это синтез финансов социалистического государства по версии В. П. Дьяченко и финансов отраслей народного хозяйства СССР по версии А. М. Бирмана. Только в отличие от В.П. Дьяченко и А. М. Бирмана, денежные отношения внутри производственных предприятий А. М. Александров не «резал по живому», а объединил в одно целое под названием «опосредствование производственного процесса» и полностью включил в предметную область, охватываемую понятием «финансы социализма». Таким образом, все денежные отношения, входящие в это понятие, по версии воспроизводственной концепции представляли собой систему из двух типов отношений: т.н. «опосредственные» и распределительные (в подлинном смысле этого слова). А финансы, помимо контрольной и распределительной, наделялись функцией «опосредствования кругооборота производственных фондов»¹⁵. «В этой функции финансы обслуживают не только фазы кругооборота $D - T$ и $T - D$, но и фазу движения фондов предприятий в их производственной форме» [26, с. 29]. Соответственно, социалистические финансы по версии А. М. Александрова – «это система денежных отношений опосредствующих кругооборот производственных фондов в народном хозяйстве на расширенной основе и обеспечивающих образование и использование различных фондов для удовлетворения разнообразных потребностей социалистического общества» [26, с. 27 – 28]. Важно заметить, что по версии воспроизводственной концепции (как и по версии распределительной) в состав финансов социализма не входили личные финансы и финансы непромышленных предприятий и организаций, к которым относились все учреждения здравоохранения, образования, культуры и спорта. Таким образом, воспроизводственная концепция тоже не охватывала всю предметную область финансов.

И, наконец, с учетом изложенного в одной из наших публикаций [37], относительно точки зрения Э.А. Вознесенского добавим следующее. В её основе лежит одно из отличий, при помощи которых западные финансоведы обозначали границу между общественными финансами и финансами частного сектора. Так, например, К. Шоуп заметил по этому поводу следующее: «Главное различие между системой распределения правительства и семьи, церкви, или другого некоммерческого учреждения заключается в степени беспристрастности правил, по которым правительство распределяет свои услуги и распределяет бремя покрытия расходов ... Беспристрастность означает, что (1) данный свод правил, например, налоговое право, установлен декретом, ... и (2) правила, поддержаны санкциями (штрафами или тюремными сроками), одинаково применимыми ко всем нарушителям закона, кем бы они ни были. ... В отличие от этого режима, семья распределяет среди своих членов товары, потребляемые в домохозяйстве по неофициальным и часто меняющимся критериям» [38, с. 4].

¹⁵ По версии А. М. Бирмана та же, по сути, функция была сформулирована, как «обеспечение кругооборота средств на предприятиях» [17, с. 133].

Как бы в унисон своему западному коллеге Э.А. Вознесенский писал: «1) Финансовые отношения, в том числе налоги, суть стоимостные (денежные); 2) Лишь те денежные отношения финансовые, которые образуют их систему, регламентированную государством» [39]. «Таким образом, финансы социалистических государств представляют собой систему денежных отношений, имеющих императивную форму»¹⁶ [40, с. 91]. Из приведенных цитат нетрудно понять, что, по версии Э. А. Вознесенского, система социалистических финансов охватывала почти всю предметную область финансов, поскольку жесткой императивной регламентации в СССР подвергалась не только сфера распределения общественных благ, как это было в странах с рыночной экономикой, но и сфера общественного производства вместе с общественной непродуцированной сферой. Исключение составляла только часть денежных отношений, относимых западной научной школой к понятию «личные финансы»: «Расходы, осуществляемые за счет личных доходов членов социалистического общества, не носят императивной формы (отношения, опосредствованные $D - T$ и $T - D$), а потому не входят в сферу финансов, за исключением, естественно, уплаты налогов, страховых платежей, возврата ссуд и др.» [40, с. 123]. При этом стоит заметить, что закупки промтоваров и продовольствия (тоже отношения $D - T$ и $T - D$), проводимые бюджетными организациями, Э. А. Вознесенский причислял к финансам социалистического государства на том основании, что госзакупки подвергались жесткой регламентации.

Обобщая результаты наших исследований советской и зарубежной специальной литературы, мы пришли к следующему выводу: все научные изыскания советских финансовых теоретиков можно охарактеризовать как попытки адаптации классической теории распределения общественных благ к реалиям советской экономической модели, главная особенность которой состояла в тотальной общественной собственности на средства производства. А параллельное существование трех научных концепций советских финансов обусловлено разными точками зрения их авторов на то, в какой мере следует причислять к общественным финансам две другие предметные области финансовой науки – финансы предприятий и финансы домашних хозяйств. При этом ни одна из трех научных концепций советских финансов не охватывала всей предметной области финансовой науки. Как следствие, использование дефиниций советских финансов в современной постсоветской литературе для того, чтобы охарактеризовать финансы в целом, является некорректным. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Опарін В. М. Фінансова система України (теоретико-методологічні аспекти): Монографія.– К.: КНЕУ, 2005.– С. 7 – 36.

¹⁶ На наш взгляд, примечательно то, что о денежных отношениях Э. А. Вознесенский говорит как о императивных по форме, а не по сути.

- 2. Захарченко С. П.** Трактовка финансов в зарубежной литературе // Бизнес Информ.– Харьков: ХНЭУ.– 2011.– № 4.– С. 122 – 128. <http://zakharchenkov-sergiy.narod2.ru>
- 3. Аллахвердян Д. А.** Финансы социалистического государства.– М.: Соцэкгиз, 1961.– С. 42.
- 4. Меньков А. Н.** Основные начала финансовой науки, вып. 1.– М., 1924.– С. 1.
- 5. Боголепов Д. П.** Краткий курс финансовой науки, изд. 2.– М., 1929.– С. 37 – 38.
- 6. Болдырев Г. И.** Лекции по финансовой науке.– М., 1928.– С. 4.
- 7. Янжул И. И.** Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах.– М.: Статут, 2002.– С. 44.
- 8. Cleveland F.** Funds and Their Uses.– N.Y. Appleton&Co, 1902.
- 9.** Merriam-Webster's Collegiate Dictionary/11-th ed.– Merriam-Webster, Inc., 2004.
- 10. Александров А. М.** Финансы СССР, под ред. Н. Н. Ровинского.– Госфиниздат, 1952.– С. 31.
- 11. Аллахвердян Д. А.** Некоторые вопросы советских финансов.–М.: Госфиниздат. 1951.– С. 118.
- 12. Дьяченко В. П.** Товарно-денежные отношения и финансы при социализме.– М.: Наука, 1974.– 488 с.
- 13. К. Маркс и Ф. Энгельс.** Сочинения, т. 19.– С. 17 – 18 // <http://perwomai.narod.ru/gp.htm>.
- 14.** Финансы / В. М. Родионова, и др.; Под ред. В. М. Родионовой.– М.: Финансы и статистика, 1995.– 432 с.
- 15. Опарін В. М.** Фінанси (Загальна теорія): Навч. Посібник.– 2-ге вид.– К.: КНЕУ, 2002.– 240 с.
- 16.** Фінанси: вишкіл студії. Навчальний посібник / За ред. проф. Юрія С. І.– Тернопіль: Карт-бланш, 2002.– 357 с.
- 17.** Вопросы теории финансов. Сборник статей под редакцией чл.-корр. АН СССР В. П. Дьяченко.– М.: Гофиниздат, 1957.– 192 с.
- 18.** Финансы и кредит в СССР.– Изд. 2-е.– М.: Госфиниздат, 1940.– С. 38.
- 19.** Финансы СССР, вып. 1.– М.: Госфиниздат, 1933.– с. 34.
- 20. Александров А. М., Вознесенский Э. А.** Финансы социализма.– М.: Финансы, 1974.– С. 45.
- 21. Lough W. H.** Business Finance.– N. Y.: The Ronald Press, 1919.– С. 5 – 6.
- 22.** Фінанси: підручник / [С. І. Юрій, В. М. Федосов та ін.]; за ред. С. І. Юрія, В. М. Федосова.– К.: Знання, 2008.– 611 с.
- 23. Dalton H.** Principles of Public Finance.– London: Macmillan&Co, 1922.
- 24. Pigou A.** A Study of Public Finance, 3-rd ed.– London: Macmillan&Co, 1947.
- 25. Родионова В. М.** Вопросы сущности и функций советских финансов.– М., 1987.– 76 с.
- 26. Александров А. М.** Финансы социализма.– М.: Финансы, 1965.– 252 с.
- 27. Масгрейв Ричард.А., Масгрейв Пегги. Б.** Государственные финансы: теория и практика / Пер. с англ.– М.: Бизнес Атлас, 2009.– 716 с.
- 28. Plehn Carl C.** Introduction On Public Finance.– London: Macmillan&Co, 1909.
- 29. Нікбахт Е., Гропеллі А.** Фінанси / Пер. з англ.– К.: Основи, 1993.– 383 с.
- 30. Adair T. A.** Corporate Finance Demystified.– McGraw-Hill, 2006.
- 31. Banks E.** Finance the basics.– N.Y.: Simultaneously published, 2007.

32. Besley S., Brigham E. Principles of Finance.– Mason: Cengage Learning, 2009.;

33. Detscher S. Corporate Finance and the Theory of the Firm.– GRIN Verlag, 2003.

34. Моляков Д. С. Шохин Е. И. Теория финансов предприятий: Учеб. пособие.– М.: Финансы и статистика, 2004.– С. 3 – 10.

35. Финансы и кредит: Учебник / Под ред. проф. М. В. Романовского, проф. Г. Н. Белоглазовой.– М.: Высшее образование, 2006.– С. 21 – 27.

36. Финансы: учебник / С. А. Белозеров и др.– 3-е изд.– М.: Проспект, 2010.– С. 11 – 20.

37. Захарченко С. П. Обґрунтування концепції дослідження сутності фінансів. // Фінанси України.– 2009.– № 9.– С. 108 – 114 // <http://zakharchenkov-sergiy.narod2.ru>

38. Shoup C. Public finance.– New Jersey: Transaction Publishers, 1969.

39. Вознесенский Э. А. Дискуссионные вопросы теории социалистических финансов.– Издательство ЛГУ, 1969.– С. 155 – 156.

40. Вознесенский Э. А. Финансы как стоимостная категория.– М.: Финансы и статистика, 1985.– 160 с.